

КЛЯКСЫ НА ЛИЦЕ

Артур Хейби

12+

Артур Хейби
Кляксы на лице

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Хейби А.

Кляксы на лице / А. Хейби — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Саша и Марк дружили с самого детства. Им по двенадцать лет и они вместе играли в видеоигры, гоняли мяч, но однажды Марк упал во время очередного матча в футбол. Он упал и погиб. Это несчастный случай, и никто в этом не виноват. Однако прямо перед матчем Саша выпросил у Марка встать на ворота, обычно стоял Марк, из-за этого последнему пришлось бегать по полю, и именно в этот день ему крайне не повезло упасть головой о камень. Это просто несчастный случай, но Саша так не думал. Саша винил себя!*Обложка оформлена автором.

© Хейби А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Глава I

Марк

Перекидываю с одной стороны, и перекидываю с другой, а между ними стою я. И зачем я напрасился стоять на воротах? Всегда же Марк стоял. А вдруг я мяч поймаю, и это увидит какая-нибудь девушка...

Мысли о девушках всегда приходят в самый неподходящий момент. Сейчас бы мне думать о мяче, но нет, а давай-ка подумаем о девушках. Нет, серьёзно, рядом дом стоит, где магазинчик ещё есть, девчонки из окна могут наблюдать за нашей игрой. Они смотрят как несколько крутых парней гоняют мяч, а один из них – самый крутой – виртуозно ловит все мячи. Точно-точно! Они там точно смотрят.

Издали слышался голос Марка: «Мяч!».

Внезапно прилетел мяч. Он ударился об перекладину и ускакал в сторону, пока я утопал в своих грёзах. Гол нам не забили, но и спать мне больше не следует.

Марк поднял руку. Он просил мяч практически с другого конца футбольного поля. Так далеко я пинал впервые, особенно настолько метко.

Марк повёл мяч вперёд к воротам соперника. Он двигался по линии футбольного поля, а когда его накрыл соперник, развернулся на месте, обводя одного защитника, и пустил мяч ему между ног. Обвёл второго, перехитрив обманным манёвром в сторону, и снова оказался во главе наступления, но, когда к нему подбежал третий, Марк попытался развернуться снова, но споткнулся и случайно наступил на мяч. А после, он упал. От веса ноги, мяч повело в сторону, и Марк устремился на землю прямо лбом, не успев выставить перед собой руки.

Мне показалось, что мой друг просто устал, вот и лежит там, не шевелясь. Ребята собрались вокруг, но оставались в стороне, будто чего-то боялись. Я побежал в их сторону.

Пока бежал, думал, что Марк поцарапал ногу, и теперь придётся тащить его домой. Он на полгода меня старше и во многом разбирается уже лучше меня, но от помощи он не отказывается. Хотя всегда старается делать всё самостоятельно. Тоже мне, тринадцать лет ему уже, видите ли. Ладно, помогу ему добраться до дома, а вечером может у меня посидим, в приставку порубимся. Упасть на футбольном поле – не самое страшное, правильно? Вот мы с ним на стройке прыгали от одного бетона на другой, на трёхметровой высоте. Вот там на самом деле было страшно и опасно.

Приближаясь к нему, я не мог не заметить, что он лежал совсем без движений. У меня сердце к горлу полезло и встало там комом.

Чёрт возьми, Марк, дружище!

Оставшиеся пару шагов я делал медленно. Я не мог отделаться от плохой мысли, она пугала меня. Мысль о том, что Марк умер.

Но он же всего лишь упал. Люди же не умирают от падений, ведь так?

Мяч белым камнем встал возле головы моего друга. Его любимая синяя бейсболка отлетела немного в сторону, словно уже не принадлежала никому. Чёрные волосы на затылке растрепались и легли не в ту сторону, будто развернуло голову. Левая нога согнулась в коленях и легла на правую. Пальцы одной руки скрючены, будто он изображал когти кота, а другая рука валялась у лица, сжатая в кулак.

В голове промелькнула мысль, что нужно что-то сделать. Просто необходимо. Нельзя же просто стоять с ним рядом и ничего не делать. Но почему он не двигается?! Хоть пальцем бы пошевелил, а то и рукой всей помахал, затем присел бы, сказал, чтобы не волновались, что с ним уже всё в порядке, и как обычно, подмигнул, мол, под контролем всё. Я бы ему в ответ сказал, что сбегая за подорожником, чтобы кровь остановить со лба.

Кровь! С головы оттекала кровь, не торопливо лилась словно из приоткрытой бутылки. Вскоре возле головы образовалась целая лужа густой жидкости.

Тогда, я окаменел. Не мог больше двигаться. Уставился глазами на кровь и думал о том, что Марк...

(Нет, нет, нет, молчи, не смей об этом думать) Но мысль эта уже успела просочиться в мой разум.

...умер!

Внезапно вратарь соперников сорвался с места и умчался прочь. Ещё четверо парней последовали его примеру.

Как они убежали я не видел, но слышал их удаляющийся топот. Рома, с кем мы вдвоём остались стоять, подсел к Марку поближе, и вовсе не испугавшись, дотронулся до его спины. Тот, будто спал. Никак не реагировал.

– Вот чёрт, ему реально хреново. – Заметил Рома.

Еле шевеля губами, словно я использовал их впервые в жизни, пробормотал, что позову на помощь, и убежал в сторону магазина. Ноги несли меня быстро, но их я не чувствовал, ощущал лишь холодный ветер. Тот насвистывал мне в ухо, что Марк уже умер. Вскоре лицо обдало теплом помещения, и я сходу завопил о том, что произошло. Всё рассказал на одном тяжёлом дыхании. Продавец по началу застыла в безмолвии, округлив глаза, а уже затем взялась за телефон.

Я развернулся на месте и умчался обратно к Марку.

Тем же вечером Марк Захаров, мой лучший друг, умер в больнице.

Скорая увезла его в больницу с воем сирен. Они торопились: быстро разложили специальную кровать, осторожно уложили туда Марка, запаковались все обратно в автомобиль и умчались с громким шумом. Помню, как испугался этого воя. Тогда меня пугало всё: разговоры врачей, стуки закрывающихся дверей, собравшиеся вокруг люди, лязг шин, когда скорая машина отъезжала. И конечно, меня пугали мои мысли.

Чувствовал оледенелые пальцы рук; оледенелые пальцы ног. Что-то кололо кончики ушей, мертвенный холод проник даже в мою голову. Мысли не витали там, как раньше, теперь они ползли, словно люди волокли безжизненные ноги по грязной земле; словно и там всё продрогло. Там была лишь одна мысль...

Внутренний голос твердил, что мой лучший друг не вернётся из больницы.

Раньше не понимал каково это, опечалиться настолько, что внутри умерло всё.

Когда мама тем же вечером зашла ко мне в спальню, я сидел у окна. Я взглянул на неё лишь раз и понял что-то. Внутренний голос подсказывал, чтобы я выпроводил маму за дверь, не дал сказать ей что-либо. Если я это сделаю, то ничего и не произошло. Просто посижу один у окна в своей комнате. Но она села на край кровати и сидела там с таким лицом, что у меня в груди всё сжалось. Я почувствовал, как чьи-то холодные пальцы коснулись моего сердца. Из-за двери показался папа, зашёл брат.

Только мама начала говорить, как задрожали её губы, а потом и всё лицо. Она заплакала. Следом заплакал и я, не понимая от чего.

Не помню, что было дальше, но брат говорил, что я наорал на всех. Выгонял из комнаты, не давая никому заговорить. Помню, как я лежал один и чувствовал, будто сидит на мне что-то тяжёлое. Не мог поднять даже голову, а глаза жгло, всё лицо горело. Больше всего хотелось кричать.

Кричать на всю улицу. Так, чтобы горло заболело, разорвалось на части, чтобы заглушить все мысли в голове. А накричавшись, завернуться под одеялом и уснуть. Больше ничего не видеть, не слышать и ни с кем не говорить.

Через день были похороны.

Папа молча оделся и вышел ждать нас на улице. Мама повторяла, что всё будет хорошо. Даже когда мы выходили из дома, говорила, что всё будет хорошо. Перед тем, как мы втроём вошли на кладбище, она остановила меня и шепнула на ухо: «Я тебя люблю. Всё будет хорошо».

Когда были ещё дома, я одевался, думая, что всё это происходит не со мной. Всё это просто излишне реалистичный сон. Видел, как собиралась мама, но меня рядом не было, я просто это видел. Она была в чёрном платье, положила пирог в небольшую коробку, а в это время папа с мрачным лицом вышел за дверь. А я парил в воздухе, даже не ходил ногами, просто витал в воздухе, словно ветер. Меня там не было. Я не услышал рёва автомобиля, перед тем, как выехать на отцовской старенькой машине. На похоронах люди плакали, что-то говорили, но я ничего не слышал. Не мог. Казалось, даже если бы захотел, то не смог, потому что меня там не было. Меня не было...

...там, потому что Марк жив. Он живой ходил и бегал, и играли мы с ним вчера в приставку, как и каждый вечер. Он обыгрывал меня и смеялся, показывая пальцем, а когда выигрывал я, злился, поговаривая, чтобы я не ухмылялся. Он любил пить дюшес, мог литрами его выпивать каждый день, пока читал комиксы. Он читал их пачками каждый день. Каждый чёртов день. Он клал три ложки сахара в чашку с чаем, ел только пельмени, которые готовила его мама, опять же, каждый день. Он может заговорить с любой девчонкой, если только захочет,

потому что Марк может всё. Марк отличный парень, лучший мой друг и сейчас он спит у себя дома на кровати, потому что всё это мне только снится. Я лежу сейчас на своей кровати, брат по соседству как всегда громко дышит во сне, и ничего этого нет.

Марк не мог умереть. Он же мой друг. Так ведь не бывает! Плохое же происходит всегда где-то в другом месте, разве нет?

Это был ветреный, холодный день. Задувало в воротник, под рукава и даже в уши. Когда уже стояли на кладбище, я слышал завывание ветра и это походило на завывание одинокого волка, тоскующего по кому-то. Листья, шелестя танцевали на кронах деревьев, а мы всё стояли и молчали.

В тот день я помню лишь деревья, которых видел краем глаза, только на них хотелось обращать внимание, но смотрел я всегда прямо, не куда-то, а просто прямо перед собой. Не потому, что было наплевать, а как раз наоборот.

Марк лежал в закрытом гробу между двумя толпами людей. Яма была прямо передо мной. Мурашки кололи мне спину, когда я думал об этой яме. Она казалась безжизненной и ужасной, будто если туда упасть живому человеку, то непременно умрешь. Поэтому я смотрел в никуда, ведь так было проще.

Я бы и дальше так делал, если не мама Марка. Елена Петровна. Её посадили на стул прямо напротив меня. Казалось, она сама ходить не может, ей помогли дойти до стула, усадили. Чёрное платье полами доходило до земли, а лицо закрывала чёрная вуаль. Плечи подёргивались время от времени, и мне в этот момент было её так жаль, что просто хотелось сказать ей что-нибудь приятное. Рядом со мной кто-то перешептывался, говоря, что мама Марка сегодня утром даже не могла одеться самостоятельно. Ей помогли одеться, выбраться из квартиры, указали куда идти и что делать. Они говорили, что она, будто не хочет больше жить. Потом моя мама шикнула на них, и те замолчали.

Нельзя было игнорировать Елену Петровну. Невозможно было не смотреть на неё, и не опечалиться. Я в жизни не видел такого несчастного лица. Когда она опустила вуаль, чтобы вытереть платком глаза, я увидел покрасневшее лицо. Платок вырывался у неё из рук из-за ветра, извиваясь в воздухе, словно белый флаг, а Елена Петровна и не замечала этого, как и не замечала всего остального вокруг. Однажды пальцы её разжались настолько, что белая ткань улетела куда-то вдаль и исчезла из виду. Мне подумалось, что и душа Марка точно также оторвалась от тела, улетела в небо и исчезла из виду навсегда.

Послышался чей-то мужской голос, который восклицал о том, каким хорошим мальчиком был Марк и каким чистым он ушёл из жизни. Тот говорил, что никто не мог предвидеть ситуацию, что валун окажется на футбольном поле и именно туда упадёт Марк, и это воля Божья. В этот момент мама Марка заплакала навзрыд, словно она держалась всё это время, и наконец дала волю эмоциям. Вуаль уже не закрывала её лицо. Руки лежали на плечах так, словно хотели себя обнять.

Мне хотелось вернуть Марка к жизни.

Неважно, как я это сделаю, но главное, предотвратить плач этой несчастной женщины. Я стеснялся, но был готов разрыдаться вместе с ней. Пусть наш плач зазвучит в кронах деревьев,

между листьями каждого дерева, которые росли в этом кладбище, и пусть он окинет весь город, всю страну так, чтобы слышали все люди, а когда наш голос поднимется так высоко, что и глазам не будет видно, это услышит тот, кто решает, кому умирать, а кому жить. Он же может вернуть Марка к жизни, иначе никак нельзя. Нельзя допускать, чтобы кто-то плакал и не хотел больше жить, как этого желала мама Марка. Он просто не может этого допустить. Не должен!

Елена Петровна рыдала, прикрываясь ладонью, но капли слёз просачивались сквозь пальцы и блестели прямо мне в глаза, словно говорили, что она ждёт, чтобы я всё вернул. Поднялся выше деревьев вместе с ветром к облакам, узнал, что таится в тех высотах и вернулся с её сыном в руках, раскинув руки перед всеми, опустил его на землю. Живого, неврелимого.

В голову просочилась мысль, что я этого сделать не могу. Я гнал эту мысль прочь, чтобы и духу её здесь не было, но это и есть та незримая истина, которая позволяла мне оставаться разумным человеком и не сойти с ума.

Мне хотелось утешить её, обнять и разрыдаться вместе с ней, словно я мог понять её скорбь. Внезапно я почувствовал, что это мой самый близкий человек на земле, с кем можно усесться рядом и ни о чём больше не думать. Не будет никто беспокоить вещами, которые тебя не интересуют. Мне хотелось упасть на её колени и разрыдаться по одной важной причине: Марка больше нет... Марка больше нет, нет его чёрт побери...

...и не будет уже никогда. Какого чёрта подобное может произойти, чтобы кто-либо ушёл из жизни. Как тот, кто решает кому жить, а кому нет, вдруг понял, что Марк Захаров должен умереть? Не должно же быть так, не должно, разве нет? Как может хороший человек вдруг умереть из-за того, что он оступился об мяч? У меня в голове не укладывается такая мысль, чтобы отличный парень бежал по футбольному полю, а потом упал...и умер. Он умер! Он, чёрт возьми, умер!

В глазах у меня родилась слеза, но я попытался не придать этому значения.

Елена Петровна взглянула на меня, словно услышала мои мысли. Мои глаза увлажнились, задргались челюсть, словно я сказать что-то хотел, но не мог. Слёзы потекли по моим щекам, такие горячие, будто жидкий огонь, желающий добраться до рта и обжечь мои губы. Я глотал слюни. Я их глотал как мог, но они умножались прямо у меня во рту, и я моргал, стараясь пустить по щекам очередную порцию слёз, которые стекались по стенам щёк и снова обжигали губы. Наконец, лицо загорелось огнём. Я думал, что же это происходит-то со мной? Как же это? А перед глазами в это время лишь лицо Марка, который говорит: всё отлично, дружище, зайду завтра к тебе, поиграем снова.

Я заплакал так сильно, что и вдохнуть не удавалось, будто всё моё нутро оказалось прямо в горле.

Раскрыв глаза, я увидел, как Елена Петровна встала и пошла в мою сторону. Моя мама обнимала меня крепко, а мои глаза жгло и разрывалась грудь. Так сильно там что-то разрывалось, что я пугался от мыслей, будто разнесёт меня на куски, и меня больше не станет. Но я боялся не за себя, а за свою маму. Боялся, что она тоже, как Елена Петровна, будет сидеть и также плакать, не желая больше жить. А этого я хотел меньше всего.

Последнее, что помню, как мама Марка приблизилась ко мне, и моя мама отпустила моё плечо, Елена Петровна присела возле меня и прижалась всем телом. Я растаял в ней, и дальше уже не помнил ничего. Всё остальное, как во сне: в тиши и подальше от чужих глаз.

Моя мама говорила, что я весь день пролежал на кровати, и больше не плакал, как самый настоящий взрослый. А как иначе, я ведь и есть взрослый. Я каждое утро, вот уже полгода как, смотрелся в зеркало, когда умывался, и говорил себе, что я уже повзрослел. Конечно, я подумал о том, что плакать так много нельзя и перестал рыдать. А как иначе, ведь я уже взрослый.

На следующее утро после похорон я сидел у окна, брат листал какой-то журнал, пытаюсь скрывать это от меня. А когда зашёл папа, я удивился этому. Он вошёл в нашу комнату, брат подпрыгнул, пытаюсь спрятать журнал, и отец подсел ко мне. Словно ему наплевать, что тут происходит, пока его нет, или он просто обо всём уже знает и поэтому никогда не принимал во всём этом участия.

Серьёзные глаза отца устали сначала в пол, а потом он поднял их на меня.

– Когда я был маленький, – начал отец, – в нашей деревне умер один мальчик. Он бегал всегда хорошо, особенно когда гонялась за ним собака дяди Пети, после того, как он своровал яблоки из сада. Мы все там воровали. Ну, детство такое у нас было, понимаешь. Этот мальчик долго болел чем-то и умер. Его просто не стало, и всё. Я не так хорошо его знал, но мне было печально. Он не был плохим мальчиком, чтобы заслуживать смерти, нет! Конечно нет! Не помню, сколько тогда мне было лет, но твой дедушка тогда сказал, что его родителям придётся с этим жить. Научиться с этим жить. Я не понимал о чём он говорил, но повзрослев, понял. – Папа повернул моё лицо в свою сторону, чтобы мы встретились взглядами, и продолжил. – Сынок, Марк был отличным парнем, я хорошо его знал, но если ты хочешь, чтобы он всегда тобой гордился, то ты должен смириться с тем, что дальше придётся обходиться без него. Пожалуйста, Саш, пойми. Если раньше ты считал, что ты уже взрослый и это были лишь мысли мальчика, то теперь всё изменилось. Сынок, тебе необходимо научиться жить с этим горем. Просыпаться каждое утро, ходить в школу, общаться с нами и быть тем хорошим мальчиком, которого мы все знаем. Если у тебя это получится, то ты повзрослеешь. На самом деле повзрослеешь. Я хочу, чтобы ты это понял. Пожалуйста, сынок.

Я не знал, как жить с горем. Это всё равно, будто я хотел, чтобы Марк умер. Будто я специально сам всё устроил. Но это чёрт возьми, не так! Папа говорил какую-то ерунду. Взрослые часто говорят ерунду, что я и не понимаю никогда, но в этот раз, будто что-то поменялось. Папа был другой. Всё вокруг уже было другим.

Мама говорила тогда, что перед тем, как похоронить Марка, я обещал приходить к нему каждое утро перед школой. Она сказала, что я всё это прокричал. Оказывается, я поднял голову с колен Елены Петровны и громко крикнул, что обещаю никогда его не забыть и каждое утро навещать его здесь, потому что мой друг теперь здесь.

Я не знал, что вскоре познакомлюсь с беременной Алисой Погодиной, которая в свои пятнадцать лет умела быть взрослой и отважной. Как сказала однажды Алиса Погодина: «Не умрёт никогда тот, о ком всегда будут помнить».

В каком-то смысле, именно она открыла меня, как человека...

Глава II

Алиса

Девушка в ярко жёлтой куртке сидела у могилы, накинутый капюшон скрывал её волосы, она сидела, опёршись коленями об металлическую ограду, и говорила что-то вслух. У неё был такой тревожный голос, что мне сразу захотелось её обнять. Но я бы не смог это сделать, не хотел ей мешать. Со стороны показалось, что ей лет шестнадцать.

Она не обратила на меня никакого внимания, когда я проходил мимо. Наверное, будь я постарше, посмелее, подошёл бы к ней, сказал, что мне очень жаль, приобнял, а может и вместе с ней расплакался, если бы она заплакала. Обычно люди на кладбищах плачут. То есть, для этого приходят. Погрустить, помолчать, а потом и всплакнуть. Вот уже три недели прошло со дня гибели Марка, и я каждое утро его здесь навещаю. Но я обычно молчу, никогда не разговариваю. Даже не знал, что так можно, думал, на кладбище, возле умерших, можно говорить только шепотом.

У неё такой тонкий, немного дрожащий голосок. Когда я проходил мимо, она говорила:

«...назвать его в твою честь. Я знаю, что ты любила бы его. Пап, я скучаю, не знаю, что делать. Но пап...».

Наверное, она рассказывала про своего нового парня. Я не знаю. Какой-нибудь одиннадцатиклассник, спортсмен, активист, везде и во всём первый, отличник и вообще, самый крутой парень на всей планете. Она, наверное, хотела познакомить его с ним.

Тем утром я дошёл до Марка, рассказал ему, что я делал прошлым вечером, а потом мне стало грустно, и я пошёл в школу. Мама иногда говорила, чтобы я ходил к нему реже, хотя бы раз в неделю, чтобы себя не расстраивать, но я не хочу так поступать. Это же мой друг. Мой лучший друг. Может он и перестал теперь расти, но он всегда останется для меня другом. Иногда я мысленно спрашиваю у него совет насчёт новых видеоигр. Он всегда знал, какие игры лучше. Он мог прочесть название и уверенно так сказать: «Вот эта самая крутая». Так оно и выходило.

Когда я пошёл обратно, я снова видел ту девушку в жёлтом. Она встала и пошла рядом со мной, когда я проходил мимо. Сердце колотилось в груди, не чувствовал ног, не чувствовал рук, я шёл и пытался размягнуть напрягшееся лицо, чтобы не показаться полным придурком, но это не удавалось. Так и шёл рядом с ней с бешеным сердцем и одеревенелым лицом.

Краем глаза увидел, как девушка взглянула на меня, но я боялся взглянуть в ответ. Она на полголовы меня выше, и мне пришлось бы немного запрокинуть голову, так как шла она уж очень близко, но я этого сделать не смог. Как сказал бы Марк: «сдрейфил». Не знаю я, что произошло. Просто не смог. Так каждый раз бывало, когда нужно что-то кому-то сказать важное, или, как здесь, просто посмотреть и улыбнуться, но нет. Я краем глаза заметил, как она улыбнулась мне, а я, придурок, даже посмотреть на неё боялся. Вот придурок! Умру один и девственником. Что толку от взросления, если я на девушку даже посмотреть не могу.

Не сбываются эти желания с Нового года. Второй год подряд загадываю желание, чтобы самоувереннее стать, храбрее. И как же? Где результат? А нету. Всё ложь и обман.

Мы шли вместе долго. Она молчала, и я молчал. Пару раз я пытался её опередить: ускориться, чтобы рядом не идти, но не удавалось. Она нагоняла обратно.

А вдруг я понравился ей, поэтому не уходила от меня далеко. Вдруг познакомиться хочет. Хотя, обычно ведь так не бывает, правда? Как я могу понравиться такой девушке?! Никак не могу. Глупости всё это...

Прямо перед тем, как встать на остановке, я всё-таки бросил на неё взгляд и увидел её край лица и коричневые волосы. Но это был лишь миг, ведь она продолжила свой путь, а я остался на месте. Прошёлся вдоль остановки туда-сюда. Затем вернул взгляд к ней, и не отрывал взора от её желтой спины, что удалялась от меня ещё несколько минут, пока жёлтое пятно не исчезло за углом здания.

Никогда прежде не садился на скамейку остановки.

И раньше мне не нравился жёлтый цвет.

Не знаю как, но эта девушка сделала весь мой день незабываемым.

Мне вдруг захотелось крикнуть, но так, чтобы никто не услышал. Оббежать весь город, но так, чтобы никто меня не увидел. Не знаю, что со мной произошло, но желание было подраться с кем-нибудь, или станцевать на сцене, хоть я жутко стеснялся всегда. И хотелось, чтобы первым уроком была физкультура, где можно будет прыгать, бегать, бросать мяч.

Сегодня во время перемены снова встречу Лизу Головешкину, девчонку из параллельного класса, и сегодня я с ней уж точно заговорю. Так я думал, сидя на скамейке остановки. Уверен был, что смогу. Просто остановлю её в коридоре, хотя это не просто, ведь она всегда не одна, а с подругами. Остановлю и скажу, что она мне нравится. А потом приглашу в кино. Она сразу согласится. Конечно согласится: у неё не останется выбора, если я буду уверен в себе. А я буду уверен! К тому же, именно так, и именно такими словами полгода назад Марк пригласил девчонку из другой школы. Он смотрел ей прямо в глаза, и та согласилась. Марк-то конечно так может уверенно, он всё-таки на целых полгода меня старше. Был. Скоро я догоню его, и тогда смогу так же, как он, вести себя уверенно с девчонками. Со всеми смогу вести себя уверенно.

Быстро доехал на автобусе, а у входа в школу остановился и засмотрелся. Кто-то поленился выбросить в урну упаковку томатного сока. Та лежала плашмя с открытой крышкой, а из горлышка густой сок лужей оттекал в сторону, словно кровь отекала от головы погибшего.

Образ лежащего Марка молнией вспыхнул у меня перед глазами. Я почувствовал запах его крови. Отчётливо видел, как густая кровь неторопливо текла, такая красная, ослепляюще красная. А Марк в этот момент умирал. Комки сухой земли расположились на серой футболке. Левая нога в коленях согнулась и легла на правую. Пальцы одной руки скрючены, будто он изображал когти кота, а другая сжатая в кулак валялась у лица. Открытые глаза никуда не смотрели.

Внезапно подкосились мои ноги, и я опёрся руками о колени, чтобы не упасть от головокружения. Школа, почему-то, завертелась у меня в голове. Или моя голова вдруг превратилась в мяч и её кто-то крутил, а потом начал бить им об пол, а я в это время, еле стоя на ногах у лежащего под ногами упаковки от сока, видя перед собой лежащего Марка, старался удержать

в себе завтрак. Не удержал. Меня вырвало яичницей, и этот запах вонял гнилью, тогда я блевал снова. Земля вдруг стала ближе к моему лицу. Упал. Старался двигать ногами, но земля под ними не ощущалась, мне становилось страшно.

Перед тем, как отключиться, я увидел жёлтую куртку в окне школы. Но это была другая девушка, это кто-то подшучивал надо мной. А может, мне просто показалось.

Помню, когда лежал там, я прикрыл глаза, а когда их открыл, уже лежал в какой-то палате. Подумал, что это больница, но оказалось, я у школьного врача. Регина Рустамовна сидела у окна, и её короткие чёрные волосы немного блестели, она писала что-то на тетради. Пахло чем-то кислым, а когда я попытался пошевелиться, то не смог. Даже голову повернуть, моргнуть даже не удавалось. Она что, связала меня?

Со временем начал двигать пальцами, руками, а затем и ногами, позже поймал себя на мысли, что уже моргать начал. Меня это успокаивало, и тревога отходила в сторону.

– Сашка, ты проснулся?! Как ты себя чувствуешь? – Послышался голос Регины Рустамовной.

Перед глазами всплыла картинка лежащей упаковки сока и у меня снова закружилась голова, но во рту витал странный кислый привкус, и я был как-никогда бодрым. Я вспомнил, из-за чего упал, и мне стало так стыдно, что захотелось умереть, но тогда я вспомнил про Марка, и мне тут же расхотелось.

Я лежал и думал, что вроде со мной всё в порядке. Из-за какого-то сока упасть. Вот я слабак. Надеюсь, меня никто в школе не видел. Может меня несли сюда уже после звонка, а значит в коридоре никого не должно было оставаться, ведь все были на уроках. Теперь надо встать и, как ни в чём не бывало, отправиться в класс.

Как только приподнял голову, так сразу здоровенная игла вошла целиком мне в висок, и я снова повалился на кушетку, корчась от боли. Мысли стёрлись с головы. Плевать, кто видел меня, кто не видел. Плевать.

– Ты полежи, не вставай! И хватит головой мотать. – Сказала Регина Рустамовна и подошла ко мне ближе. – У тебя был обморок, ты потерял сознание. Скоро боль пройдёт, потерпи. Потом пойдёшь в столовую, супчику поешь. Повара я предупредила, тебя там будут ждать. Понял меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.